

УКРАИНСКІЙ СОЛОМОНЪ.

ЕГО КЕЙФЪ И СУДЪ.

(По фамильнымъ воспоминаніямъ).

Да хотівъ Бардакъ, да хотівъ Кіндратъ
Зъ Таранохъ зрівнятися;
Дала-жъ ёму вража мати
Зъ Гаркушою зівзваться.

Пазь народи. вѣспив.

Отколѣ міръ стоить, во всеѣ времена, при всеѣхъ обществен-
ныхъ, гражданскихъ и государственныхъ порядкахъ, жили въ че-
ловѣчествѣ неразлучно богатство и бѣдность, и всегда бѣднымъ
людямъ жилось плохо, а богатымъ хорошо.

Въ былые дни гетманщины хорошо жилось козачей старшинѣ.
Широкая децентрализація управления—остатокъ давней свободы,
не смотря на постоянныя ограниченія оной, и въ послѣдніе годы
существованія гетманщины, оставляла еще много мѣста не только
власти, но и произволу. Козачіе полковники облечены были болѣе
широкими прерогативами власти, чѣмъ могъ придумать въ наше
время самый смѣлый проэктъ разширенія власти губернаторовъ. Въ
предѣлахъ поселенія полка они были полными распорядителями не
только по военной, но гражданской, судебной и хозяйственной части.
Они владѣли обширными земельными угодьями, могли прикуцать
и прихватывать, всли на широкую руку хозяйства, эксплуатирова
козачью рабочую силу, не брезгали и всякими промыслами. Стоило
лишь искусно изворачиваться предъ генеральною канцелярією, да
ловко прятать концы, или же съѣздить иной разъ въ Москву, а
позже въ Петербургъ, и задобрить кого слѣдуетъ хорошими „подно-

шівіями“, и можно было болѣе и болѣе расширять свои „мастности“. — Что значилъ въ полку полковникъ, тѣмъ былъ сотникъ для своей сотни, состоявшей изъ нѣсколькихъ мѣстечекъ и селъ. И сотники, какъ и полковники и другіе войсковые чины, получали земли и разныя угодья на свой рангъ, были полными распорядителями въ своихъ участкахъ по всѣмъ частямъ управленія, и отчитывались да и приплачивались предъ старшиною полковою, какъ эта послѣдняя предъ генеральною. Чѣмъ болѣе близилось уничтоженіе гетманщины, тѣмъ меньше чувствовалась тягость воинской службы и хотя пропорціонально тому возростала гнетъ экономическій, но вся тяжесть его падала на простое козачество и умножавшихся въ числѣ посполитыхъ, подеусѣдковъ, коморниковъ и захребетниковъ. Учащавшіяся перемены гражданскихъ порядковъ не предвѣщали для старшины вичего худаго. Въ воздухѣ все сильнѣе пахло рабствомъ, но тѣмъ болѣе привилегированнымъ и почетнымъ видѣлось въ перспективѣ положеніе войсковои старшины, всѣмъ предшествовавшимъ ходомъ жизни далеко отодвинувшейся отъ народа. Естественныя инстинкты насилія и хищенія при такомъ порядкѣ вещей могли только усиливаться и расти, а не ослабѣвать. Разлагавшійся старый строй жизни и царившій всюду какой-то хаосъ давалъ правда не выгодно чувствовать себя отдѣльнымъ личностямъ изъ среды самой старшины, происходили крупныя кражи въ хозяйствахъ и грабежи, приходилось приплачиваться частью имущества, иногда и всѣмъ достояніемъ и урядомъ, но ловкій, какъ и всегда, умѣлъ изворачиваться и самыя тягости общественнаго порядка обращать въ свою пользу.

Въ такую-тою, отчасти трудную, отчасти привольную пору жилъ сотникъ Тарапъ. Онъ правилъ смѣлянскою сотнею и резиденція его была въ м. Смѣломѣ, близъ Роменъ. Имѣлъ онъ, какъ и другіе сотники, „ранговые и благопріобрѣтенныя грунты и левады, гаи и сѣлжати, ставы съ мельницами и садки. Правилъ онъ сотнею и хозяйствомъ занимался; на его грунтахъ жило нѣсколько подеусѣдковъ и если все сотенное населеніе было въ его распоряженіи, то эти послѣдніе были какъ-бы его подданными. Правилъ онъ по старинѣ—и грозно, и милостиво, не давалъ спуску своемувольнымъ, но и не доходилъ до жестокости и издѣвательства надъ бѣднымъ и слабымъ. Не любилъ онъ, подобно другимъ, притягать

захудалыхъ козаковъ; съ людьми бѣдными, съ тѣми, что помогали ему въ хозяйствѣ, любить даже подѣлиться, особливо тѣмъ, что какъ вѣрили тогда всѣ, „родить Богъ на всякого долю“. Обращался сотникъ со всѣми просто, права былъ веселаго, любилъ пошутить, особливо, по вдовству, съ женскимъ поломъ, еще болѣе любилъ въ сласть поѣсть и попить. Сотничалъ онъ долго; тутъ-же на сотничествѣ и „госпожу“ свою похоронилъ; теперь, за смертію ея, хозяйство вели обученныя „пансю“ Стеха и Приська, всѣмъ-же въ домѣ распорядилась молодая дочь его „Ганнуся, цынная краля“. Было и въ жизни Тарана много невзгодъ; въ его сотничество разбойничалъ здѣсь Гаркуша и жилъ не вдалекѣ на хуторѣ Бардака близъ Бесѣдовки. Тарана заподозрили не только въ попустительствѣ, но и въ соучастіи съ Гаркушею. Онъ былъ притянутъ къ суду, но вывернулся, благодаря своей изворотливости, поплатившись впрочемъ значительною частью своего имуществва. Это было въ 1780 г. Катастрофа служебная, въ связи съ недавнимъ семейнымъ горемъ, разстроили было дѣла Тарана и его самого повергли въ скорбь; онъ сталъ угрюмъ и задумчивъ, каждый новый слухъ о подвигахъ Гаркуши приводилъ его въ трепетъ и онъ не разъ подумывалъ о томъ, какъ-бы не поднято было вновь это проклятое Гаркушино дѣло. Но крѣпкій организмъ, правильная жизнь и природный веселый нравъ снова взяли свое, особливо, когда Таранъ удостоверился, что Гаркуша далеко—въ Казани.

Уладивъ окончательно свои служебныя и хозяйственныя дѣла, Таранъ отдался своей прежней беззаботной жизни. Онъ не любилъ большихъ компаній, сидѣлъ больше дома и наслаждался жизнью, какъ она шла вокругъ него. Былъ онъ большой эстетикъ, до пѣкорой степени поэтъ и безконечно любилъ природу. Когда наступало лѣто, онъ большую часть времени проводилъ на *ганку* своего незатѣйливаго дома, стоявшаго на возвышеніи надъ однимъ изъ смѣлянскихъ овраговъ; на подворье его и хозяйство, на все мѣстечко и даже на отдаленныя окрестности съ крыльца его дома открывался прекрасный видъ. Отсюда онъ наблюдалъ движеніе прохожаго и проѣзжаго люду, отсюда давалъ приказанія на право и на лѣво, по службѣ и по хозяйству, здѣсь принималъ доклады, выслушивалъ жалобы, творилъ судъ и расправу, и здѣсь-же совершалъ свой долгій кейфъ съ коротенькой трубочкой въ зубахъ.

По привычкамъ того времени лучшею порой дня было утро, и Таранъ умѣлъ пользоваться имъ, особливо лѣтнею порою, не только для дѣла, но и для полного своего удовольствія. Вставъ рано, съ восходомъ солнца, умывшись „погожею“ водницею и переговоривъ: *Отче нашъ* и *Богородице Дѣво*, а также „за померши души“, сотникъ или отмахаетъ версть десять на своемъ „татаринѣ“ на какую нибудь изъ своихъ сѣножатей—посмотрѣть, собрались-ли косари, и при этомъ для примѣра самъ пройдетъ *ручки* двѣ, либо пѣшкомъ переберется черезъ цѣсколько овраговъ на одну изъ своихъ нивокъ взглянуть „на толоку“, либо посвятить все утро обзору своего домашняго хозяйства, да такъ, что не оставитъ безъ своего посѣщенія ни коморы, ни сажа, ни стайни и обору, ни клуни и огорода, ни ставка и млынка, ни отдаленнаго баштана, и только почувствовавъ, что уже давно въ желудкѣ червякъ точить и что пора уже его и заморить, возвращался къ своему „ганку“ и усаживался за „снѣдаще“, приговаривая, когда былъ въ духѣ: *отъ-це-жъ, якъ нише Давидъ, сидши людѣ снѣдающн хлѣбъ въ снѣдъ.*

Настала одинъ изъ тѣхъ пріятныхъ лѣтнихъ дней, которыхъ вся краса чувствуется особенно въ несравненной Украинѣ. Чудныя окраины сотеннаго города лубецкаго полка освѣтились ранними лучами восходящаго солнца; золотистые лучи его дрожали, пробираясь по кустамъ „огрудка“, и точно спомомъ ударили въ желтую, какъ воскъ, недавно крытую соломенную крышу сотникова дома; слезинки утренней росы блестяли, какъ изумрудъ, на листьяхъ растущихъ подъ окнами цвѣтовъ. Вдали изъ оконъ чуть видѣлась зеркальная поверхность скрывавшагося въ оврагѣ ставу; золотистая рыба, играя въ водѣ, радостно привѣтствовала восходящее солнце: играла, плескалась, ловила летавшую мошку. Въ воздухѣ вѣяло какою-то влагою и нѣгою, вся окружающая домъ атмосфера насыщена была парами и чуднымъ запахомъ „бузку, черемхи“ и всякой иной зелени.

Таранъ сидѣлъ на „ганку“ и тянулъ изъ своей стамбулки аромать собственнаго виргинскаго табаку; по раннему восходу солнца и по тому, что блохи, „якъ зговорились“, не дали спать ему, онъ вывелъ заключеніе, что быть сегодня дождю.

— Теперь рыба грае, подумалъ сотникъ; то-бъ то неводъ закинуть! и съ этимъ онъ крикнуть проходившему по двору хлопцу:

— Гей, Павелко, щобъ були заразъ жінки до невода! Гапку, Пріську, Стеху, Параску, Тетяну... по чотири на крыло... та заразъ!

— Чую добродію! отозвался Павелко и стрѣлой понесся черезъ плетни и огороды къ подсуфѣдамъ.

„Жінки“ охотно собирались и даже торопились, зная, что старый панъ любитъ пошутить, а по удачномъ уловѣ не обойдетъ молодежи и ковномъ рыбы. Не прошло и полчаса, какъ летитъ назадъ Павликъ, только чубъ плащеть на головѣ у него и шлепаютъ широкіе шаровары, цѣпляясь за огородину и бұрьяны.

— Заразъ будуть, пане!

— Ну, то-то! Иди-жъ, справляй човещь, та воду выхлюпай; я заразъ буду!

Павликъ мигомъ полетѣлъ на ставъ, видно, что и ему было по вутру приказаніе пана сотника.

Выкуривъ стамбулку и поковырявъ ее „прятычкою“, сотникъ выколотилъ зоду, крикнулъ раза три и ишелъ тихо, взявши „ціпокъ“, чтобы, спускаясь подъ гору, не поскользнуться на влажной отъ росы травѣ.—Осторожно спустившись въ оврагъ, подошелъ онъ къ човну. Павликъ усердно выплескивалъ остатокъ воды въ средней части лодки; молодежи въ приличныхъ костюмахъ— „куцныхъ и рваныхъ“ обнажили свои сочinya, здоровыя икры, что нѣсколько щекотало воображеніе пана сотника и давало поводъ къ игрѣ словъ и шуткамъ. Зная правъ своего пана, Гапка (самая смазливая) не безъ умысла стала подбирать свою „куцую сорочку“, собиравась идти въ воду.

— Ты бъ ще выше піднялась; гляди, щобъ не выпурхнуло! подшучивая, сказалъ Таранъ, лукаво моргнувъ бровью.

— Гапка съ достатку, добродію, замѣтила бойкая Тетяна.—Молодицы съ хохотомъ входили въ воду, таща неводъ; одна затянула:

*Ой вярву я лопушину
Да пошню фартушину...*

— А нуте, нуте! какъ-бы сконфуженный, прервалъ сотникъ; вытягайте крыло, та заходите далі, далі... Бачь, якъ рыба грае; онъ выкинувсь карась, мовъ порося добре!

— То й напъ, добродію, буде!..

— Хто піймае, доброй вишнівки достане, поощряль сотникъ.

— А треба, добродію, треба по трудахъ; тільки чогось мицнішого, хоть-бы теи коробскою!

— А може новомлинки?

— Новомлинка, кажуть, пане, воды половинка, а коропська суца.

— Якъ піймаешъ!

— Въ умілого и долото рыбу ловить, добродію!

Такъ весело начиналось это любимѣйшее въ старые годы въ Малороссіи занятіе, представлявшее не то трудъ, не то отдыхъ, походившее скорѣе на праздничное торжество и манившее къ себѣ всякаго самымъ процессомъ своимъ, доставлявшимъ высокое, неизъяснимое наслажденіе. Молодицы весело брели по топкому дну пруда, ощущая всѣмъ тѣломъ прелесть утренней свѣжей ваяны. Обѣ партіи ихъ какъ-бы соперничали другъ съ другомъ, расходясь все дальше; огромный неводъ давно погрузился въ воду; одна изъ молодежи, придерживая слегка крыло, заносила „гузырь“ и наконецъ бросила его ко дну. Сотникъ зорько слѣдилъ, съ видомъ знатока и охотника, за движеніями бредущихъ, за направленіемъ крыльевъ, за охваченнымъ ими пространствомъ, за плескомъ мелкой рыбы, то тамъ, то здѣсь выбрасывавшейся изъ воды, приказывалъ заносить дальше „гузырь“, заходить глубже, расходиться дальше, не поднимать крыльевъ, не наклонять ихъ на бокъ, тянуть прямо по землѣ. Какъ вдохновенный дирижеръ, онъ знаками дополнял, чего не досказывалъ на словахъ, подмигивалъ, водилъ въ воздухѣ пальцемъ или всей рукой, и когда все пришло въ стройный порядокъ и машина плавно пошла въ ходъ, онъ быстро вскочилъ въ челнъ и обгоняя бредущихъ, сдержанно проговорилъ:

— Теперь-же идѣть такъ—тихенько, рівненько, а я поїду до плаву, та звідтила нажснѹ, тамъ у лозахъ вона мошкѹ халае.

И онъ быстро, изо всѣхъ силъ, погналъ челнъ въ вершину пруда. Бысть болтомъ по водѣ, выгоняетъ рыбу на просторъ, коло-тѣтъ весломъ по кустамъ, по очерету... И опять командуетъ:

— Росходьтесь, росходьтесь ширше... тихенько, рівненько, та тамъ коло Кимликового саду выходьте! Ліве крыло вольно! Праве падавай... тихо, тихо... праве шагу прибавляй—и поволі заходь... И опять: бовть, бовть... и опять команда: ліве крыло...

Въ это время выпрыгнулъ карась въ чертъ невода, какъ-бы подразнивая.

— Стой! стой! командуєть сотникъ; заходьте справа пошибчѣе, пошибчѣе! Теперъ разомъ! Выходьте скоріше, та держить неводъ при землі!..

Быстрыми движеніями стали молодичи неводъ собирать, выходя изъ воды; на крыльяхъ невода зардѣли тамъ и здѣсь золотистые караси. Огромный кулъ невода плавно выползалъ по мягкому илистому дну на берегъ; масса рыбы виднѣлась въ немъ, почивали покойно караси погруженные въ тину, а тѣ, что были ближе къ крыльямъ, почувствовавъ прикосновеніе воздуха, бились, трепетали, перепрыгивали съ мѣста на мѣсто.

— Збирай матню!.. Осторожно, осторожно! командовалъ Таранъ.

— Ухъ! крикнула, отекочивши, Гапка; такъ ударивъ въ груди, трохи не впала, моя матінько! Се той самый!..

— Ладно! не упусти, якъ тоді въ клуни! памятаєшь?

— Се-жъ не той, пане, вьонъ... та ще моя доля не вмрала! весело отчеканила Гапка...

Наконецъ неводъ на сушѣ. Всѣ бросились выбирать уловъ, вытряхали *гузырь*, обирали съ крыльєвъ мелкоту, ловили прыгавшихъ карасей и отбрасывали подалеже на траву. Суєта, шумъ, говоръ, смѣхъ...

На эту оживленную сцену любовно съ горы смотрѣла дочь сотника. Только что заплела она свои роскошныя косы и украсила свою головку макомъ, настурціями, кручеными палычками. Шитая заплочью рубаха, голубая корсетка или, какъ нельзя лучше, къ ея бѣлому, свѣжему, какъ утрення заря, личику и шелковистымъ блестящимъ волосамъ; алыя губы и щеки пламенѣли избыткомъ здоровой крови, стройная легкая фигура свѣтлой точкой рисовалась на окаймленномъ густымъ орѣшникомъ холмѣ, по сторонамъ котораго шли два другіе возвышенія, съ крутыми обрывами.

И по той бѣкъ гора,

И по сей бѣкъ гора;

*А межъ тими іроньками
Ясна зоря!...*

- А що, Гапусю, кликнула Галя Сотниківна, буде могориць!...
 — Буде, панночко, буде!...
 — А ты, Галю, пришли Ясика зъ відрами, та скоріше: чуєшь! отозвался отець.
 — Чую!... чую!... прозвенѣла Галя и какъ серна полетѣла съ горы, перегоняясь съ Дойдою, любимою собачкою.

Несли ведра, собирали рыбу, скатывали неводъ. Шли всѣ не съ пустыми руками, съ торжествующимъ видомъ, избираясь гуськомъ по крутой горѣ, а дома, у колодца, по приказу Гали, вытягивали воду, наливали въ пчовки, на кухнѣ разводили огонь, готовили сковороды, горшки, масло, сметану. Принесли добычу; закипѣла новая работа: стали сортировать рыбу—ту варить, эту для сушки, другую на сковороду. Сотникъ самъ распорядился, и молодиць, по обыкновенію, не забылъ, а опѣ весело, съ шутками, съ прибаутками, развѣшивали неводъ на плетнѣ для просушки и сами переодѣвались въ сухое платье.

- А я черепаху вхопила въ руки, да якъ кину! думала, що ратиця.
 — Та и наловили-жъ! Давно вже такого счастья не було.
 — Э, якъ-бы не пепѣкъ, то у Кимликового саду ще-бъ и бѣльше попало!

Пошло „частованье“ и новая прибаутки. Сотникъ подшучивалъ, подмигивалъ, молодиць цокотали.

- Се така смачна, боюсь, щобъ и язика не проковтнуть! прибавила Катерица, смакуючи водку.
 — Не лишне-бъ було, отозвался панъ сотникъ, бо вінъ у тебе, якъ липовській дзвінъ!...
 — Охъ, лишенько! може тронки голоснишій!

Галась, смѣхъ, общее веселье.

А между тѣмъ караси въ сметанѣ, производившіе соблазнительный трескъ на сковородѣ и обдававшіе всѣхъ раздражающимъ запахомъ, очутились уже на столѣ, покрытомъ „климомъ“ самодѣльной работы, а сверху скатертью.

Сотникъ чувствовалъ себя въ подлежащемъ вкусѣ, весело усаживался за столъ и моргнувъ бровью по направленію карасей,

провзнесь: „ничого, зажилась голова коло болота!“ затімъ выпивъ звѣробоевки, накинувся на карасей съ тѣмъ аппетитомъ, который чувствуютъ люди рано встающіе и проводящіе утро въ механическомъ трудѣ на открытомъ воздухѣ.

Поївъ плотно и всполоснувъ зубы звѣробоевкою, сотникъ пажбно помолился Богу, набилъ стамбулку самороднымъ виргинскимъ и отправился къ любимому своему мѣсту на „гапокъ“. Здѣсь въ пріятномъ кейфѣ онъ любовно наблюдалъ движеніе всей своей хозяйственной машины и заливался добродушнымъ смѣхомъ, глядя, какъ напр. шлепнется со всего размаху разбѣжавшая Оксана, не замѣтивъ подъ ногами у порога пекарни *Мурзу* или *Мамая*, или какъ телесокъ, вылизавъ подойникъ и вскинувъ его себѣ на голову, пойдетъ выдѣлывать съ нимъ иляску по двору. Но вотъ свинья *Рохла*, ставъ на заднія лапы, зубами прилаживается къ обрывку веревки, которымъ заперта калитка, чтобы сбросивъ оцый съ верхушки столбика, пробраться въ огородъ. Сотникъ рывкнетъ: *аля!*—стѣны задрожать и на другомъ концѣ двора пугливыя лошади шарахнутся и собьются въ кучку. „Розумна бестія! якъ собака зубами, або чоловікъ рукою. Такои еще въ насъ не було!“ скажетъ сотникъ, видимо довольный, что все въ домѣ трепещетъ его, и погрузится въ размышленія.

Въ то время, какъ панъ сотникъ, потонувъ въ размышленіи и продолжая пыхтѣть стамбулкою, не замѣчалъ ничего вокругъ себя, во дворѣ показалась чья-то дѣвчина; вооружившись длинною хвостиною и робко озираясь по сторонамъ, она тихо направлялась къ пекарнѣ, стараясь пробраться незамѣченною собаками.

Маневръ удался, дѣвчина въ некарнѣ и привѣтствуетъ Стеху:

- Здорови були! съ сегоднішнимъ днемъ поздоровляю!
- Спасибі; сідайте!
- Хай усе добре сідає!
- Чи панъ сотникъ дома?
- Дома! А чого тобі?
- Та мени діло є! Чи можно до ихъ доступиться?
- Можно, иди прямо, онъ сидить на ганку.
- Проведить-же мене, бо я собакъ боюсь!

— Иди, я постою!... А ну, *Мурза!* не займай!

Главный отаманъ двора, изучившій нравъ своей благодѣтельницы Стехи, когда надо, былъ покоренъ ей, какъ ягненокъ. Дѣвчина прошла до пана сотника, низко кланяется и говоритъ:

— Я до вашей милости, добродію, діло маю.

— Почуемо!

— О така річь, паночку! Той Корній Заволока збезчестивъ мене; такъ, плануючи Бога и вашу честь, збавивъ мене, що стыдно сказати!...

Сотникъ моргнувъ бровью, слегка улыбнулся,—видно, хотѣлъ пошутить, но воздержался.

— Ну, и що-жь?...

— Да такъ, якъ бачите, збезчестивъ, тай годі!

— Ахъ, вінъ бестинський сынъ! Та я ёго... я-жь ему... Не дурно ёму и призвище таке богомерзске—Заволока! Такъ вінъ тебе оце обезчестивъ? Ге, шкода, та вже не вернется. Що-жь, заміжь ты за ёго мабутъ не підешь?

— Крый Мати Божа! съ пегодованіємъ и какъ-бы обидой произнесла Гапка.

Но сотнику показалась уже какая-то неискренность въ ея голосѣ и движеніяхъ и онъ снова спросилъ:

— А певно за безчестье зъ ёго хочешь?

— Або-жь то панъ каже дарувати? нѣсколько смѣло переспросила Гапка.

Сотникъ какъ будто призадумался, потянулъ раза два изъ стамбулки, сглюнулъ на бокъ и серьезнымъ тономъ обнадеживъ Гапку расправой съ озоривкомъ и взмсканіємъ съ него за безчестье, велѣлъ ей на утро явиться снова въ ранній обѣдъ, а лишь только она вышла, отдалъ Яцъку приказъ доставить къ нему на утро и Корнія Заволоку.

Полетѣла грозная вѣсть. Корній всю ночь не спалъ, въ ожиданіи грознаго суда пана сотника, а онъ шутить не любилъ,—это всё въ сотиѣ знали.

— Рано утромъ, какъ только солнышко взошло, еще не оправившись совсѣмъ отъ дремоты, послѣ короткой и смутной ночи, сот-

никъ, по обыкновенію, сидѣлъ уже на крыльцѣ и сосалъ свою стамбулку.

Корній Заволока съ поникшею головою ожидалъ въ сотниковской кухнѣ и млѣлъ душою.

— Чи можно доложитися до пана-сотника? робко спрочисль онъ Стеху.

Стеха, чѣмъ-то разсерженная, неохотно проговорила:

— Аже бачишь, сидить давно вже на ганку.

Подходить Корній Заволока и низко кланяясь, съ невольнымъ страхомъ произноситъ:

— Я до вашої чести и милости, добродію.

— Знаю, знаю! Дакъ ты оце выдумавъ въ горохъ скакати!—важно произнесъ судья, возвысивъ надлежаще голосъ.—Дакъ ты смієвъ оце дівчину безчестить! Отъ я тобі, бестіянській сину... въ колоду велю тебе забить, да ще панотцеві скажу, що-бъ у дзвиниці въ куну тебе закувавъ, що бъ всі на тебе дивились, та памятали, що то значить дівчину збезчестить.

Корній голову повѣсилъ; сотникъ продолжалъ:

— Ахъ ты бестіянская невіжа! я-жъ тебе...

— Та вона, паночку така... осмѣлился проговорить Корній.

— А хочъ-бы и такая, перебилъ его сотникъ.—Та ты знаешь, якъ на улиці калюжа (лужа), то хіба добрый чоловікъ нолизе въ калюжу? Аже-жъ добрый чоловікъ завше обійде собі стороною! А ты що здумавъ, собачій сынъ?! Щобъ ты мени завтра въ ранній обѣдъ, какъ есть, принієшь безчестья двадцять золотыхъ! И не думай собі! Стунай.

Пошелъ Заволока съ поникшею головою. Гдѣ то ихъ взять тѣхъ золотыхъ? думалъ онъ про себя, бредя вдоль плетня и оглядываясь на собакъ. И невольно приплы ему на мысль слова іѣсни:

*А у мою двора
А ни току, ни кола,
Тільки куць калины
Да и тая сука!..*

Сотникъ межъ тѣмъ отдавалъ своему Яцьку приказъ на утро, также въ ранній обѣдъ, доставить къ нему потерпѣвшую Галку.

Самодовольная улыбка промелькнула при этомъ у него на лицѣ, правая бровь невольно къверху поднялась, что у сотника всегда выражало мыслительную работу; онъ съ какою-то увѣренностію, но слегка стукнувъ рукой по столу; видимо его осѣнила какая-то счастливая мысль, отгосившаяся къ разбираемому теперь дѣлу и онъ мечталъ удивить своихъ подвластныхъ еще разъ справедливымъ и мудрымъ рѣшеніемъ. Но, покончивъ съ этимъ, онъ снова обхватилъ губами коротенькій чубучекъ и началъ нескончаемый процессъ сосанія своего виргинскаго и перебиранья въ памяти разнообразныхъ причудливыхъ приключеній въ своей долгой и бурной жизни. По временамъ мелькалъ предъ нимъ образъ Гаркуши, подъ часъ слышалось, будто кто-то въ огородѣ, или гдѣ-то въ полѣ начинаетъ такъ близко задѣвавшую его, свѣже сложенную пѣсню...

На другой день, будто стговорившись, въ одно время, хотя съ разныхъ сторонъ, тянулись къ пану-сотнику Корній Заволока и Гапка Левадівна. Сотникъ, по обыкновенію, сидѣлъ на крыльцѣ, когда обѣ противныя стороны предстали къ нему на судъ. Взглянувъ на нихъ, онъ добродушно моргнувъ бровью и велѣлъ Гапкѣ подождать, а Корнію позвалъ въ горницу.

— Ну, а що гроши?—обратился онъ къ нему, когда тотъ переступилъ порогъ.

— Е, добродію!

— Ахъ, ты пеській сынъ!—не натурально какъ-то заворчалъ сотникъ, принимая деньги отъ Корнія. Розласувався на дівчатъ? Та ты такъ и всю сотню мени перепортивъ! и вся моя сотпя сорому не оберется, и мени сотнику придется за тебе ледацого у сірка очей позмычат!

— Змилуйтесь, добродію, даруйте мени сей разъ!—завоцилъ Заволока. Не буду до віку, и десятому закажу!...

Ну, то-то десятому! Смотри мени... другій разъ не попадайся. Стунай, да подожди тамъ на пекари!!

Вышелъ Заволока, едва ноги волоча. Раздался снова зычный голосъ пана сотника, требовавший къ ставкѣ Гапку.

Входитъ Гапка, низко кланяясь, въ предчувствіи вынрипа. Сотникъ моргнувъ бровью, какъ-бы въ предзнаменованіе шутки; но воздержался и съ достоинствомъ произнесъ:

— На, отъ тобі двадцять золотыхъ за твою обиду. Теперь не посьміе тебе тронуть; но смотри, береги и сама свою честь. Иди съ Богомъ!...

Галка, виѣ себя отъ радости, живо прячетъ деньги за *пазуху*, кланяется сотнику въ поясъ, благодарить его въ самыхъ отборныхъ фразяхъ: „спасибі вамъ, добродію! легко вамъ дыхатъ! Попли вамъ, Господи, вікъ довгій, що вы за мене сироту заступились“!

— Ну, ну, иди съ Богомъ! торопиль ее сотникъ и опять велѣлъ позвать къ себѣ Заволоку.

Входитъ Заволока съ поникшею головою, ождавая новой грозы; между тѣмъ Левадівна уже успѣла выйти за ворота сотническаго двора.

— Ступай, безтыднику, скорѣе, крикнулъ Заволокѣ сотникъ, да отними у ней свои деньги; только смотри сейчасъ! Не отнимешъ, барбарами на пекарни будешь битый. Живо!

Заволока стремглавъ бросился за Галкою, и какъ только догналъ, сейчасъ прямо къ ней за пазуху.

— А, такъ ты зновѣ до пазухи? крикнула Галка и такъ толкнула нарубка, что тотъ, какъ говорится, и другой стѣпы досталъ.

— Пстой-же! продолжала она; такъ ты такъ пошанувався, піду-жь я пану сотнику розкажу, и мигомъ пустилась къ сотническому крыльцу.

Сотникъ, видѣвшій все, что происходило, отъ удовольствія постукивалъ только своею стамбулкою о столбикъ и когда подлѣтѣла къ нему Галка, выразительнѣе прежняго моргнулъ бровью, собираясь выслушать.

— Такъ отъ, добродію, начала она, якъ вінъ шанується! Що ему вала, выбачайте, кара? Тільки я за двірѣ, а вінъ за мною, та заразъ до пазухи, та трохи гропей не выдеръ.

— И щожъ отнявъ?

— Эге, отнявъ! Я якъ штурхнула ёго, то вінъ и тину доставъ.

— Ну, а тоді... чомъ-же ты не штурхнула ёго, якъ вінъ те ечки, якъ ёго?!

Левадівна и глаза потупила.

— Ну, небого, давай-же пазадъ гроши! Да впередъ не скачи, а то звелю целену тобі підрізати, и голову дѣгтемъ вымазати, та ще и пірѣ натыкати. Така тобі буде честь!...

Межь тѣмъ подошелъ и Заволока и сталъ предъ сотникомъ, не зная, съ чего пачать и что сказать.

А що одивать?—спрашиваетъ сотникъ.

— Э, де вамъ, добродію! такъ мене пыхнула, що я й типу доставъ.

— Такій-же съ тебе козакъ! Тільки соромъ робишь козакамъ. На тобі твои гроши, тай никому не признавайся, якъ козакувавъ, та памятай, якъ-то люди калюжу обходять...

— Спасибі, добродію, за науку!—сердечно произнесъ Заволока и, отгѣсивъ низкій поклонъ, тихо побрелъ со двора, а сконфуженная Гапка, не поклонившись и не сказавъ ни слова, раньше пролетѣла за ворота и изо всѣхъ силъ улетывала домой.

Солнце высоко стояло на горизонтѣ, освѣщая и пригрѣвая трудящійся людъ. Въ мѣстечкѣ было пусто, на улицахъ ни одной души; точно все вымерло, или неприятель все населеніе угналъ въ полонъ. Всѣ способные къ работѣ, взрослые и подростки, давно работали на поляхъ и сѣножатяхъ; лишь кое-гдѣ, въ глубинѣ огородной зелени чуть видѣлась голова козачки, невидимая рука которой вырывала сорную траву, или слышалось, какъ дѣвчина въ огородѣ тихо *Гриця* пѣла; на завалинахъ по мѣстамъ грѣлись на солнцѣ старыя дѣды, вспоминая свою козачую славу, а подлѣ нихъ игралась босоногая надежда страны... Одинъ въ мѣстечкѣ человекъ, казалось, не былъ за работой; то былъ мѣстный дячекъ. Онъ возвращался теперь съ утренняго *полежя*, не твердыми шагами бредя по улицѣ домой. Повстрѣчавшись съ Корніємъ, онъ съ обстоятельностью досулаго человека распросилъ его обо всемъ и когда узналъ о новомъ мудромъ рѣшеніи сотника, съ пафосомъ воскликнуть:

— Э! се нашъ, бачишь, украинскій Соломонъ, якъ-то бувъ колись-то царь жидівскій Соломонъ. Розумна голова! Де вже тому Бардакови та зъ нашимъ Таракомъ було рівняться?

И съ легкой руки дячка утвердилось за сотникомъ смѣляпскимъ Таракомъ названіе украинскаго Соломона, и сохранилось оно за нимъ въ фамильномъ преданіи, какъ сохранилось имя его въ народной пѣснѣ, а въ дѣлахъ архивныхъ неясная молва о соучастіи его въ дикихъ подвигахъ Гаркуши.

Ст. фонъ-Носъ.